

К-435-А

275309

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

о. кирсанов

аКТИВ

ОГИЗ · МОЛОДЕЖЬ ГВАРДИИ · 1933

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА

Цена 1 р. 25 коп.

Переплет 35 коп.

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА

V.N. Karazin Kharkiv National University

00600011

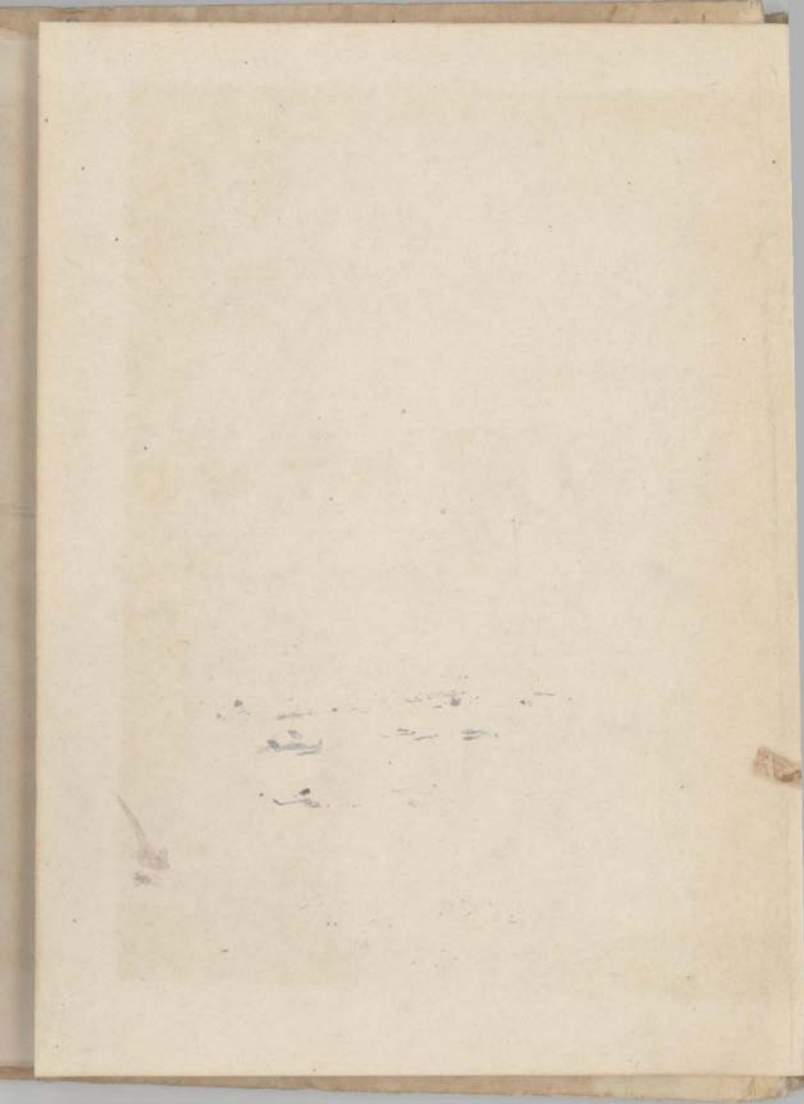
6

5

PK-1

189

1934
51875

12.I.
10891.

K-435-A.

Wadmit

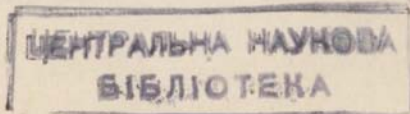
с. кирсанов

а к т и в

Огиз ● „молодая гвардия“ ● 1933

K-435

ПРОВЕРЕНО
ГНБ 4948

58
Проверено
ГНБ 1992

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

В Н Т Б

ВНТБ - ВНЕШНЕТОРГОВЫЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ БЮРО

ВНЕШНЕТОРГОВЫЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ БЮРО

ВНТБ - ВНЕШНЕТОРГОВЫЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ БЮРО

ВНТБ - ВНЕШНЕТОРГОВЫЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ БЮРО

ВНТБ - ВНЕШНЕТОРГОВЫЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ БЮРО

ВНЕШНЕТОРГОВЫЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ БЮРО

ВНТБ - ВНЕШНЕТОРГОВЫЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ БЮРО

Мюдовская

Гнусил
офицерский сын,
скучая
по землям нашим:
— Еще закрутим
усы
плетей —
у Кремлевских башен.

Ну,
а чья
взяла?

Страна у него
не спросила,
мерцанье штыков
взвела
красноармейская
сила.

И танки гнет
стеной.

Над полчищем
звездных касок
ведет
самолет

стальной
сын рабочего класса.

Шипел
 фабрикантов сын,
отросток
 купца и пана:
— Застопорю
 ход машин
вредительством,
 срывом плана.
Ну,
 а чья
 взяла?
Сынку погордиться
 нечем —
наша
 растет земля
блюмингом
 чугуноплечим.
Был поединок
 лют,
трудно
 фундамент клался.
Празднуй
 победу
 в МЮД,
сын рабочего класса!
Шептал
 кулацкий сынок:
— Деревню

назад потащим,
собьем урожай
с ног
огнем,
сорняком,
саботажем.

Ну,
а чья
взяла?

Зерном
мешки орошая,
вошла,
зашумев,
земля
в большую жизнь
урожая.

Ржавым ножом
звения,

Вор
чтоб полями не крался,
встал
на защиту зерна
сын трудового класса.

Рычит
фашистский сынок,
пытками
душу теша.

На крагах

крабых пог —
кровь
комсомольца
Теща.

Ну,
а чья
возьмет?

(Вслушайся
в крик оттуда!)
Это покажет
смотр
вооруженного
МЮДа.

Когда же
ударит
час,—

с врага
не спуская глаза,
найди
сынка палача,
сын рабочего класса.

Вам

Сегодня
пишу о вас это,
о вас
эти рифмы гудут,
родившиеся
в семнадцатом,
воспетом уже
году,
в году,
когда время
молнилось,
и виден тех молний
след, —
любому из вас
исполнилось
сегодня
шестнадцать лет.
Для вас
необычна старая
былых годов
шушера,
а то, что для вас
История,
для нас
еще вчера.

Вы были тогда
 подгрозками,
а с нами
 пришла гроза.
А прошлое
 по Покровскому
видели
 ваши глаза.
Цари...
 Коронации...
 Рыцари...
Городовой...
 Господа...
Но это все
 за границею
и не придет сюда.
Никто из вас
 не был пухленькой
бебё,
 говорящей «бя»,
вы вместе росли
 с Республикой,
ровесники Октября.
Сегодня
 за школьной партою
вы слышите
 те слова.
Былое

музей истпартовый
покажет

указкой вам.

Но помните:

были вылазки!

Осада,

бои

и смерти!

Вас грохот аврорин

выласкал

и выходил —

жить

и сместь!

Он грянул годам:

не узиться!

И нам приказал,

трубя,

о будущих думать вузовцах,

ровесниках Октября,

о будущих Тимирязевых,

о Павловых

молодых,

Коммуной

векам заказанных,

ломающих

ночь и льды.

Заводы!

Гудений песенники,

смотрите:

идут сюда
эпохи моей
ровесники —
ударники навсегда.
От детских,
наивных дудочек
к нефтепроводам,
гудя!
Шестнадцатилетнее
будущее,
я славлю
твои года!
Вздымайте
мосты и насыпи,
пустырь и степь,
заселись!
По рельсам
годов
тринадцати
вперед
за социализм!

1927

Динамо, здравствуй!

Здравствуй,
товарищ Динамо,
руку дай мускулистую,
вензелем тысячеверстным
тянется лыжный след.
Товарищ,
готовый к стройке,
товарищ,
готовый к выстрелу,
бросивший десять дисков —
десять железных лет.
В шумные дни состязаний
и я дышал затаенно,
радостный и веселый
со лба утирая пот.
Я
да и вся Республика
с блюда твоех стадионов —
бодрость,
силу и мужество,
не отрываясь, пьет.
Тело,
легко пружинься —
не подкачай
в бою,

это приказ
Дзержинского;
силу крепи
свою!
В плеске
байдарок-лодочек
тянемся
мы с тобой, —
мы —
футболист и летчик,
снайпер
и дискобол.
Грудь поколенья
рослого,
дыханием
широка,
влей
стальную выносливость
в жилы
большевика!
Летчик,
в небе перистом
показывай
высший класс!
Первое в мире
первенство
добудет
рабочий класс.

Бейте, снайперы,
прямо в цель,
станем еще прямей,
будемте
брать с динамовцев
лучшей стрельбы
пример.

Тело,
легче пружинься —
не подкачай
в бою,
помни приказ
Дзержинского —
силу крепить
свою!

Май-марш

Можно ли
в Май
войти без марша?
Глотки поэтов,
давайте марш,
чтобы услышать
всемирным товарищам
к бою зовущий
голос наш.
К плечу тесней
на радость нам
запев давай —
мы — юность дней,
эпох весна,
мы — Первый май!
Колонн струя
со всех застав,
огнем знамен —
мы все края,
толпой застав,
займем, займем!
С первых маевок,
с весенних порхов,
с тайных собраний —
еще тогда —

мы накопили
 немало пороха —
порох борьбы
 и порох труда.
Зрачками дул,
 штыками глаз,
 рабочий люд,
от улиц гул,
 рабочий класс,
 тебе салют!
Четвертый год
 больших работ,
 гудком дыми!
Завод в завод
 четвертый год
 подыдем мы.
Твердо выходят
 три поколения
в строй,
 и знамена вверх —
партия Ленина,
 молодость Ленина
в гулкий
 ленинский век.
За танком танк,
 за взлетом взлет,
 за рядом ряд —
мы знаем так:

рабочий слет —
тебе парад!
Мильоны пар
веселых глаз
ребят и жен.
Для новых битв
рабочий класс
вооружен.
Наши столицы
в колонне рядом,
рядом
шагов раскат,
через пространство —
ладонь Ленинграда
дружески
жмет Москва.
Завод в завод,
плакат в плакат,
и нет границ,
и площадь вот,
и вот река
рабочих лиц.
Земля труда,
в строю держись,
шелка вздымай!
Вот это — да!
Вот это — жизнь!
Вот это — Май!

О героях

Какой-нибудь воин,
полный нахрапов,
оставив
селенья врагов
в нищете,
набивав
и вдоволь награвив,
возвращается
на щите.

И память о нем
сквозь века лоснится,
слава встает
триумфальной горой,
и с арки
грохочет
его колесница,
и шепчут потомки:
— Герой... герой...

Или скажем —
владельческий рыцарь.

И в сказках твердим
и в песнях поем,
что он

столетий этак за тридцать
какого-то мавра

проткнул копьём.
Проходят века,
а эти проныры
живут
сегодняшнею
порой, —
и дошлый историк,
хрипя о турнире,
к нему этикетку клеит
«герой».
Надумав тыщу
любовных приманок,
что б дамы
в припадке
падали ниц,
полчища разных
героев романа
требуют почестей,
слав
и страниц.
И девушки,
сдерживаясь еле,
туманя глаза
любовной игрой,
ему,
победителю
сотни дуэлей,
почти отдаваясь,

шепчут:

— Герой...

В глазах темно
от хвalebных прозвищ,
но цену снижает
рабочий режим!

Их,

затаившихся
в бронзе
и в прозе,
звоните четыре,
навек лишим!

Наш герой —
сосед по квартире,
на ближнем заводе
он бригадир.

В дверь героя
звоните четыре,
и прямо в гости
к нему приходи.

В гости к герою
приходят герои,
часк попивают
вечерней порой,

и время на них
не налипло
корою,

и мало о них

скрипело перо.
Героя можно
и утром увидеть.
Придите к нему
в сварочный цех,
и он не в доспехах,
и вовсе не витязь,
и красотой
не отличен от всех.
И все,
что свершил
сосед по квартире,
уложится
в стих,
а не в бронзовый звон:
сосед
пятилетку
не то что в четыре,—
в два с половиной
выполнил он.
Скажите кисло:
«Тоже геройство!
Простой рабочий
невзрачного роста!»
Чудак-человек!
Не в росте вопрос,
а в том,
что рабочим нерослым этим —

социализма

сияющий рост
поднят трудом
к изумленным столетьям.

И никакие века
не сотрут

Славы —

покрывшей
сиянием труд.

И у его

протертых подошв
трусами ползут
вояки и рыцари.

Он же

стоит

под машинный гудеж,

Искрами сварки

историю выжарив.

Время наше —

людей перекройка,
свершаются подвиги
каждый час.

Время такое —

сплошная

героики,

и стать героем

у каждого
шанс!

Финальная спартакиадная

Мы шли,
колонны сдвинувши,
и вот —
махнул флажок
на финише
над легкой гладью вод.
Стирая пот
с усталых лбов,
идем гурьбой
на отдых,
над нами
небо голубо,
качанье
облак-лодок.
Нас примут
завтра
фабрики,
сурово задымивши;
мы отдадим
в фабричный дым
свои
тугие
мышцы.
Вчера —
по бегу

взять рекорд,
ну, а сегодня —
гордо
среди станков,
среди реторт
на славу
брать рекорды!
Вчера забить
в ворота мяч,
размять
мясо и кость,
сегодня —
славных будней
матч —
забить не мяч,
а гвоздь.
Вчера
лететь
до вечера,
пешком,
верхом
и вплавь,
сегодня
винт доверчивай,
клепай,
работай,
плавь!
С утра

до третьей смены *
живем
в ладу
с трудами,
не то, что
рекордсмены
на пышном
Амстердаме.
Вчера мы
нитку срезали,
вчера
махали
• с вышки,
сегодня
снова —
слесари,
закройщики,
текстильщики.
Пускай
шарашим публику,
под летнею
листвою —
команды
всех республик
сравниются
с Москвою.
Под небом
летним,

перистым
в ранжир
на тихий гравий
став,—
да здравствует
не первенство,
а всех республик
равенство!
Закинув
солнце-мяч
в зенит,
качнув моря
на бедрах,—
пускай живет,
пускай звенит
страна прямых
и бодрых!

Субботник молодости

Откинувши ворота
рубашек потных,
припомним
года,
когда
по нашей стране
прошелся субботник,
клепая,
пиля города,
когда,
с топором
подымая руку,
усталостью
лоб бея,
рубили,
пилили,
швыряли разруху
и складывали
в штабеля.
По нищей,
по вшивой,
тифозной России
в субботник,
без сна и зевот,
под страшным напором

страшных усилий
вставал
и работал завод.
В новые дни,
голубые и синие,
много часов
беззаботных,
и, легкое тело
одев парусиной,
выйдем
на новый субботник.
Молодостью
напружинив ладони,
силы
легкие
лейте
в это широкое,
молодое
первое десятилетье.
Давайте,
ребята,
продолжим работу
в этот
субботний день.
К поливке полов
приготовим бранспойту,
метлы, как ружья,
вздень.

Фабрика

много приберегла
ненужных
и нужных отбросов;
разгрузим цеха
от барахла,
силы на фабрику
бросив.

Не только в романах,
не только в стихах
можно
трудом
увлекаться...

Пусть загудит
в фабричных цехах
субботник
квалификации.
Годы учебы
еще впереди,
руки —
свежие ветки.

Наши трудшколы
мы превратим
в фабричные
семилетки.

Этот субботник
в жизнь позовет,
знание

с охотой выравнив,
кадры рабочих,
идуших в завод,
грамотных
и квалифицированных.
Жилу напруги,
подобно струне,
металлист,
текстильщик
и водник!

Гуди по большой
комсомольской стране,
молодости
субботник.

Лицо земли

Если объедем
 вкривь и вкось
просторы,
 севы и жатвы —
увидим:
 земля
 в колхозную горсть
до крайних концов
 зажата.
Колхозную горсть
 не разжать никому,
пальцев
 не отогнете.
Но помнят
 в краю
 зеленых коммун
о прежнем
 помещичьем гнеде.
Если взглядеться —
 в утренней мгле,
на глади
 широколобой,
как старые шрамы
 на лбу, по земле
проходят

следы бывшего.
Трехполье
 в чахотку вогнало ее,
в отпуск
 землица просится.
Еще не зажили
 рубцы и рванье
меж и чересполосицы.
Мы прем
 тракторами
 из гаража,
распахана
 вся горизонтиня —
и смотрим:
 чего невысок урожай,
с чего это
 ширь не разоткана?
Деревня жила,
 не слыхав ни аза,
подслеповато
 и глухо.
Мы вбрызнем ей
 блеск городской
 в глаза.
Иди в комсомольцы,
 старуха!
Она —
 новичок

в коммуной борьбе,
в работу ее
ввяжи.
Мы вбрызнем
в деревню
и темп,
и разбег,
и жар
городских жил.
Иди к микроскопам,
колоосев братва,
Дрянцо сорникового
вытупя.
Засади ее
за политбукварь,
как новичка,
воспитывать.
Земля!
Мы с тобой
еще игранем!
К засушливому району
тебе,
земля,
принесет агроном
мысль,
микроскопом граненную.
Чтоб каждый год
октябренос-зерно,

что в землю
сеялка бросила,
к комбайнам шло
на пункт призывной
сменой
румяной и рослой.
Мало нагнать
колхозов процент,
время
с колхоза спросит.
Надо согнать
с земли на лице
усталой старости
просесть.
Сегодня,
колхозник,
задача твоя:
как скульптор
глину
резцом —
из этой земли
лемехами ваять
социализма
лицо.

1931

Мое слово на с'езде

Москва осыпалась
снежною ватой,
когда на колоннах
в глазища всем
зажглись электричеством
буквы:
«ДЕВЯТЫЙ
СЪЕЗД ВЛКСМ».

А в зале,
юностью
наэлектризованном,
несло
грозовым
свежейшим озоном,
спешат делегаты:
— Места займем...

Песня шумит
в молодежном народе.

Ленин
под караулом
знамен,
И Красного знамени
орден...

А в зале
открытых матросок синь

и гимнастерок военных
 зелень,
и каждый ярус
 словами висит,
горящими лозунгами
 раскаруселен.
Но вот размерцался
 никельный сверк,
и на дыханий ветру
 вышли четырнадцать
 и подняли вверх
гуденье
 сияющих труб.
И под взгляды
 прожекторов,
 раскосые
вошел на трибуну
 товарищ Косарев.
Звонок зазвенел
 упрям и пронзителей,
волна голосов
 отнесла меня...
— Товарищи...
 Предлагаю избрать
 президиум...
Пошли в рупора
 звенеть
 имена.

На каждое имя —
в зале
взрыв,
веселый треск
ладоней-чечеток...
Но вот, ураганом
залу разрыв,
рванули зал
имена почетных...

Шумело море,
играло молодо,
и гуды шторма
все нарастали...

На трибуну вошли
товарищи:

Молотов,
Постышев;
Каганович,
Сталин...

Тогда —

от партера

до лож,

до галерки,

до самых

далеких ярусов —

шторм загудел

до самых далеких

ярусов —

силой яростной.
Поднявши ладони
знаменных стай,
стояли,
гудя,
комсомола миллионы...

А там
в глубине
рождалось:
«Вставай,
проклятьем
заклейменный...»

И в ряд
с молодыми
пели старшие,
в восторге таком
запел бы немой —
и пели
победную песню вставшие,
стершие с плеч
проклятья клеймо.

Стой
и кипи
и голову вытяни,
смотри, пионер!
Подыми ладонь!
Я не видал
бурь

удивительней,
чем этот вот
ураган молодой.
Он сделал
стоявших
одной семьей,
пылал и знобил,
горячил и радовал.
Я слышал
сквозь песню твою,
Комсомол,
твою,
Комсомол,
вернейшую клятву.
Клялась
раскрытых матросок
синь,
клялась
гимнастеров
возная зелень:
Я,
Комсомол,
партии сын,
с тобою,
партия,
неразделен.
Клянусь
учебу

долбить киркой,
рук не ослабим,
темпов не снизим,
дострою
своей
молодою рукой
партией

поднятый
социализм.

Ты мне
по крови,
по классу родня,
от берегов твоих
не отхлыну я,
у меня,
Комсомола,

дорога одна —
партии
генеральная
линия.

К бою готов —
выйти стеною,
поднять
на врага

винтовки ствол, —
и в этом
клятвой
клянусь

стальнойю —

я,

партии сын,
Комсомол!..

И вот начинает
за рядом
ряд расти,

бойцов-комсомольцев
горят глаза...

Сталин

смеялся

от той же радости,

которая наполнила
этот зал.

Сияющ,

радостен

и удивителен

вставал коммунизм

в дыханьи живом...

Мы

коммунизм,

молодые, увидим —

прошитель

могучим

сталинским, швом...

Одна забота

владеет сынами:

беречь его —

полководца масс,
чтоб он
коммунизм
увидел
с нами —
вот так,
как сегодня
увидел нас!

Мюд пятнадцатый

По восточной
границе —
в дорогу!
Заиграли
горнисты
тревогу, —
паровозы
по рельсам
ползут, клубясь,
у границ
загорелся
погон и лампас...
Луч,
прожектор,
по всем сторонам
кинь!
Видишь:
целятся
Мукден
и Нан-Кин.
— Молодежь!
К обороне
готова?
— Молодежь
не уронит

винтовок!

Слыша пули

наемной

гуд,

подымаем

пятнадцатый МЮД.

Рожь

ударами кос

поражая,

расшумелся

колхоз

урожаем.

Но под ночью

глазастой,

осклабив

рот,

наостренный

заступ

кулак

берет,

в земляной,

подмогильный,

сырой

склеп

он — возьми

да зарой

хлеб!

— Молодежь!

К обороне
 готова?
Стой на страже
 зерна
 молодого!
С нашей шеи
 кулацкий
 сними хомут,
подымая
 пятнадцатый
 МЮД!
За болота,
 за горы,
за воды —
 завели
 переборы
заводы,
 не полетом
 мушйным
жужжат
 они, —
это наши
 машины
кружат
 ремни!
Но за тьмой
 на работу
 бегущих

завалился

со штофом

прогульщик,

2

и обходит

кругом

заводской двор,

затаив

инструмент

под полой,

вор.

— Молодежь!

К обороне

готова?

Стой на страже

труда

молодого!

Стереги,

закрепи

завоеванный труд,

подымая

пятнадцатый

МЮД!

Пусть

разбросаны други

по тюрьмам —

крепче стисните

руки

юнгштурмов.

под эсдечьих сынков
перекрестный
вой —

выходи,
Комсомол
мировой!

— Молодежь!
К наступленью
готова?

Ну — так больше
огня

молодого,

пу — так
гулче
шагов

комсомольских
гуд,

зажигая
пятнадцатый
МЮД!

Рокот в порту

В порту
 прозрачны элинги,
 прозрачны фермы дока,
у кранов,
 в небо вцеленных,
 гремит железный марш.
У пароходов
 беленьких
 идет моряцкий рокот,
а волны —
 моря мельники —
 в муке бегут у барж.
— Грузчики,
 матросы,
есть у нас
 вопросы:
с лебедек слышен
 грузов хруст,
что ж это
 за груз?
С какого это
 года
стал скрипки
 делать Шкода?
Скажи,

с каких таких причин
японцы — скрипачи?
Громадина безокая,
 громада грузовая,
бездонным трюмом
 охая,
 скрипит на все болты.
На ящики
 высокие,
 глотку разевая,
с надписями
 «Токио» —
 пиккола альта...
— Грузчики,
 матросы,
есть у нас
 вопросы:
неужто скрипки
 у него —
из стали броневой?
С какого это
 века
прицелом
 стала дека?
Скажи,
 с каких
 у скрипки пор —
мушка

и затвор?
Спинами брезентовыми
вымощена пристань,
монетой
пятицентовой
сверкает серый глаз,
из ящика
из этого
мелькнуло дуло — выстрел,
и тучею брезентовой
земля заволоклась.
— Грузчики,
матросы,
есть у нас
вопросы:
зачем японцам
скрипки те?
Да разве ж
для детей?
Да разве ж
у границы
советской
будут литься
фокстроты,
вальсы
и бостон —
за броневым
листом?

Как пароход
на якоре,
стоит над миром кризис,
и портовую
пристанью
стоит рабочий класс;
он видит глазом пристальным:
в Союз
орудья вгрызлись,
ружейной сталью харкая
и выдыхая газ.
— Грузчики,
матросы,
ясны
все вопросы...
Какой штрейкбрехер
или трус
подымет
этот груз?
Так разве ж вы
посмеете
отправить
скрипки смерти?
Ведь этих скрипок
страшный вальс
сыграют
и для вас.

В порту

прозрачны элинги,
прозрачны фермы дока,
у кранов,
в небо вцеленных,
замолк железный марш.
У пароходов
беленьких
замолк моряцкий рокот,
а волны —
моря мальчицы —
в муке бегут у барж.

Песня эпроновца

Сползает сполох
 пасмами,
широкий вихрь
 поет,
и залит
 светом пасмурным
холодный
 Айсфиорд.
Синеют льды
 великие,
в снегах Шпицберген
 встал,
«Руслан»
 ведет «Малыгина»
с крутых
 подводных скал.
Но вдруг
 норд-остом
 дунуло,
гуднуло далеко,
и волны
 стали дюнами
лететь на ледокол.
Седые гребни
 гонятся,
и вихрь

гудит струной,—
вперед
на бой,
эпроновцы,
с кипящей шириной!
Веди рукой
по карте-ка,
и ты увидишь
вновь,
как стала нашей
Арктика
в бомбардировке
льдов...
Дивился
звонкой храбрости
седой
полярный сверк,
когда Крылов
вскарабкался
по штормтрапу
вверх.
И ночь наполнив
звяканьем,
пошли
из часа в час
скрипеть
канатом якорным,
над бурей накренься,

и в глушь,
в глухую высеребь,
в подводный мир
чудной,
подводники
Борисова
спускаются
на дно.

И вот
«Малыгин»
вызвален,

выносит
букв резьбу,
и виден
в флагах
издали

поющий
Баренсбург.

И, как сиянье
доблести,
стирают пот
с голов

и Стольников,
и Бобрицкий,
и Васин,
и Крылов.

И вот
сбегаёт с лесенки

вымокший,
 как сельдь,
наш вечный
 путешественник
Мишка Розенфельд.
Веди рукой
 по карте-ка
и книгу льдов
 открой,
и ты поймешь,
 что Арктика
рабочих —
 плоть и кровь.
Торчали льды
 булыгами,
и шел над морем
 вой,
но вновь
 флагшток «Малыгина»
встает
 над шириной.
И как сердцам
 не тронуться
над шумом
 ширины,
как не сказать
 эпроновцам —
спасибо
 всей страны?!

Старый чекист

Четырнадцать лет —
 четырнадцать граней.
О них,
 седина,
 рапортуй!
Угольчат значок
 и орден багряней,
в петлицах
 ромбов патруль.
Четырнадцать лет...
 Серебро у виска...
Ни разу не проморгав,
четырнадцать лет
 зрачков не спускать,
глазом сверлить
 врага.
А сколько их было...
 Архив откопай!
{Глаза чекистские
 видели...}
У всех Детердингов
 на откупках
шпионы,
 эсеры,
 вредители.

Но знаешь ли, друг,
седина не пустяк.
Давно ли ты
был в отпуску?
Работа,
работа,
работа! —
пусть так,
но льнут же
морщинки
к виску...
Ты можешь
(я знаю),
старый чекист,
увидя
вражий наган,
так сжать врага
за преступную кисть,
чтоб выпал
наган
к ногам.
Но знаешь ли, друг,
и сердцу срок,
и в нем
стираются клапаны.
Но надо ж,
чтоб кто-нибудь подстерег
врага

с загребущими лапами.
Чекист
нажимает
кнопку звонка,
надел шинель.
Не сутулится.
Звезда
над полночью
козырька.
Мы вместе
выходим на улицу.
По улице
Дзержинского
прошел
курсант,
декабрь в окне
пожи сковал,
шаги хрустят.
Кружить снежинки
ветер стал,
и скользок
шаг.
И с нами
взглядом встретился
курсант
Ц. Ш.
Он был
куда моложе нас,

широкий глаз,
но в бровь
была заложена
борьба и власть.
Идет,
и снег пружинится,
растет
чекист.

Надежны
у дзержинцев
ученики.
И все, что
за четырнадцать
уплыло
в дым,
то отдано
дзержинцами
в учебу
им.

Четвертый год
строительства
гудит
уже,
и снова враг
роиться стал
у рубежей.
Мы день
и ночь

на страже
у труб
и шахт.
Еще немало
старшим
бессонных вахт.
Еще вся мразь
не добыта,
ползет
паук.
Не сдаст
и пяди добытой —
ОГПУ.

1931

Песня Турксиба

Верблюды,
на землю
тихо ляг!
Песок пустынь
нагрелся.
Ползут, ползут
к Айна-Булак
навстречу рельсам
рельсы.
Играет сталь
под летом стай,
срастается, сталь,
ползи,
блистай,
стирая копоть,
помня опыт,
машинист,
поля лисгай!
Тук-тук,
шип-шип,
тук-тук,
шип-шип!
Турк-Турк,
Сиб-Сиб.
Турк-Турк,

Сиб-Сиб.
Пустыню,
 степь
 запеть заставь,
зелей
 хлебами степи.
Пошел
 состав,
пошел
 состав
в таком
 певучем темпе!
Омач тяжел,
 соха дика,
на мощный трактор
 сядь, декхан!
Ты в блеске топок
 возишь хлопок,
машинист!
 Рука легка!
Тюк-тюк,
 сыпь-сыпь!
тюк-тюк,
 сыпь-сыпь!
Турк-Турк,
 Сиб-Сиб.
Турк-Турк,
 Сиб-Сиб!

Со дня Балхана
соль и медь
везем,
гордимся жизнью.
Какое счастье
жить
и петь
и мчать
к социализму!
Взорвав
громоздкий
груз пород,
какую скорость
жизнь берет!
Под верный рокот
время трогать,
машинист!
Неси вперед!
Тук-тук,
тук-тук,
шип-шип,
шип-шип!
Турк-Турк,
Турк-Турк,
Сиб-Сиб,
Сиб-Сиб!

Людей окружают пошлые вещи,
и вид у вещей ужасно зловещий

Вчера

я сидел в гостях
у ударника
(старый дружище,
попросту — Сенька).

Новый дом.

Высокий!

Удаленький!

Лестница

блеском

летит по ступенькам.

Вошел в переднюю.

И, словно от выстрела,
шарахнулся

мелкою дрожью колен.

С вешалки,

тыча рога ветвистые,
в меня вперился

пещерный олень.

Сеня же

спрашивает сатирика:

— Ну что,

хороша квартирка?

Квартирка на-ять.

И пару и газу...
Но...
зацепившись за цветочную вазу;
сразу
забыл приветственную фразу.
Около сына
лампа — «Венера».
бедром изогнулась
лампа — «Венера».
Ручкой прикрыв
свою неприличность,
будто бы шепчет
готовый ответ:
— И я
в социализме —
личность
и даже
распространяю свет.
А около чашки,
где плещется кофе,
с грудкой
окурков и спичек
ухмыляется
пепельница — «Мефистофель».
— Я — буржуазной
культуры
кирпичик.
Кладете

социализму фундамент.
Ну что ж!
Пригодились туда мы...
А на стене,
в золотораму вдвинув,
изобразило
чье-то перо
кокетливую Коломбину
и лезущего к ней
Пьеро.
Рот Коломбинки
секунду ожил,
глаза заискрились
призмами:
— Что же,
как видите, мы тоже
в социализме признаны!..
Из-за красоты
вот этой дрянненькой,
где кошка на кошечке,
на чортике чортик,
никак не видно
друга-ударника;
он даже
вещам
симметрию портит.
А Сенька смеется:
— Ловко?

Красивая же
 обстановка!
Хожу меж вещей,
 осторожный лунатик,
Как бы не тронуть,
 не поломать их.
Вещи такие —
 свирепей зверей,
грозятся рогами
 из-за дверей:
— Мы тут правим,
 мы тут владеем.
Сиди, подчиняйся
 нашим идеям.
Мы не одни, —
 нас целое племя,
на наших спинках
 советские клейма,
мы на обложках
 конфеток и мыла,
мы с пастилы
 улыбаемся мило.
Мы на обложке
 Жарова,
просим любить
 и жаловать!
Беседа с ударником
 не вяжется как-то,

заговоришь
о второй пятилетке,
а тут Мефистофель
реальнейшим фактам
ухмыляется —
скептик едкий.

Речь заведешь
о пилке фанеры,—
ну, какая тут
пилка,
когда перемигивается
Венера
со свиньей-копилкой!
К каким-таким
идейным глубинам
тебя влечет
Пьеро с Коломбиной?

Ушел.
Со стены
какая-то лепка
меня провожает
без сожаленья.

И ветром зимы
продувается кепка,
продырявленная
рогом оленя.

Страшные вещи
рынок насытили,
тысячи

статуэток,
кошек,
ладей,

а вещи ж
тоже идей носители,
тоже
воспитывают людей.

Старых вкусов
остры укусы,
чтоб в быт
не вгрызался
сухаревский вкус,

товарищи,
переделывайте вкусы,
как переделывают Москву.

Семейный разговор

Сегодня в семье
 разговоры до ночи,
не спорят —
 а беседуют планово:
отец — металлист —
 Василий Семеныч
и мама —
 Ольга Ивановна.
Чаю выпили
 целый стол,
третий чайник
 листом засыпая.
Даже бабушка
 (лет сто)
сидит и слушает,
 не засыпая.
Я совершенно
 забыл о сне;
брат-пионер
 внимательно замер.
О чем разговор?
 О родных?
 О весне?
Нет —
 о займе.

Василий Семеныч
погладил ус
и говорит:
— Так-то,
куда ни взгляну,
за что ни возьмусь —
нельзя отрицать
факта.
Был никудышным
и наш завод —
сарай и станки!
А нынче
после подписки —
всего за год
корпус какой
завинчен!
Раньше над бляхами
гнули спины,
от ржави станок
белугой орет.
Теперь
выпускаем
такие машины,
что просто
диву дается народ.
Придешь на работу,
и сердце радо,
а новенький

строится
тут же рядом.
Старый сарай
разобран и стерт,
корпус идет
в высоту.
По мере того,
как завод растет,
заново
я расту.
Я, Оля, скажу
о самом простом:
разве хозяин
с этого нажил?
Мы!
На какие средства растем?
На мои,
на твои,
на ваши!
Ольга Ивановна
тихо внимала
и вдруг
блеснула глазами:
— Василий Семеныч,
этого мало,
вот я
расскажу о займе.
Раньше весь день

в чаду керосинном
примус
воняет и тухнет.
То бежишь
присмотреть за сыном,
то

подгорает на кухне.

Я подписалась,
правда, на малость,
но помню,
как сегодня, я —

кухня с меня
постепенно смывалась,
время стало
свободнее.

Примусы наши
гасли и гасли,
и керосинка тухнет,
и за малым сынишкой
смотрели ясли,
обеда ж —
с фабрики-кухни.

Бывает, хожу
и просто пою,
с радости это,
что ли?

В общем чувствую
в этом

свою —
маленькую,
но долю.
Со стула
малец
не свалился едва,
газета из рук
выпала —
бабушка,
молчавшая
года два,
заговорила хрипло:
— Оно конечно,
обед и завод,
а вот —
если к тому еще
выигрыш двести,
это конечно
польза в семействе.
Оля ж купила ж
новую шаль,
валенки мне,
и не ноют ноженьки,
и шапка у Васи
тепла, хороша...
Надо бы свечку
поставить боженьке.
Но братик,

которому десять лет,
а учится в школе
на все шестнадцать, —
братик отрезал:
— Боженек нет,
надо бы,
бабушка,
вам подзаняться.

А танки видели?

А трактора?

А самолеты?

А вы про бога —
вам бы политикой...

Эх, стара,
сразу видать —
другая эпоха.

Обиделась бабушка:

— Внучек мой,
меня да ругать,
да мной холенный?

В платочке вот

у меня самой
закрепительные
талоны.

Взволнована бабка,

почти без чувств:

— Кто — кто,
а я подпишусь.

Отец поднялся:
— Кончайте спор,
и вы, ребята,
спать во-свояси.
Заговорились
до поздних пор,
а главный вопрос —
ясен.
Стране займы —
себе же
даем,
чтоб строилась жизнь
повсеместно.
И если выйдет
новый заем,
подпишемся
всем
семейством.
Уснула квартира.
Лунный свет
на полог постельный
сник.
И этой семье
и всей Москве
снятся
новые сны.
Не страшные сны
чужой старины —

Нам снятся,
старым и маленьким:
заводы и ясли,
комбайны и валенки —
чудесные
выигрыши
нашей страны.

THE
LIBRARY OF THE
MUSEUM OF NATURAL HISTORY
AND
ZOOLOGY
OF THE
CITY OF LONDON
1881

THE
LIBRARY OF THE
MUSEUM OF NATURAL HISTORY
AND
ZOOLOGY
OF THE
CITY OF LONDON
1881

THE
LIBRARY OF THE
MUSEUM OF NATURAL HISTORY
AND
ZOOLOGY
OF THE
CITY OF LONDON
1881

THE
LIBRARY OF THE
MUSEUM OF NATURAL HISTORY
AND
ZOOLOGY
OF THE
CITY OF LONDON
1881

THE
LIBRARY OF THE
MUSEUM OF NATURAL HISTORY
AND
ZOOLOGY
OF THE
CITY OF LONDON
1881

Содержание

	Стр.
Мюдовская	3
Вам	7
Динамо, здравствуй!	11
Май-марш	14
О героях	17
Финальная спартакиадная	22
Субботник молодости	26
Лицо земли	30
Мое слово на с'езде	34
Мюд пятнадцатый	42
Рокот в порту	47
Песня эпроновца	52
Старый чекист	56
Песня Турксиба	61
Людей окружают пошлые вещи, и вид у вещей ужасно зловещий	64
Семейный разговор	70

**ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА**

Обложка работы художника С. Телингатера.
Редактор. Н. Родионов. Техред А. Новикова.

Сдано в производство 23/VIII 1933 г. Подпис. к печати
17/X—1933 г. МГ—4033. Инд. Д—4. Формат 62×94^{1/32}.
21^{1/2} п. л. Уполн. Главл. Б—33226 Тир. 6000. З. Т. 1349.
18 тип. треста «Полиграфкнига», Москва, Варгун. г., 8.

